

Айлин Рейвенкрофт

НИКТО
НЕ ПОМНИТ

A movie poster featuring a man with grey hair and a beard, wearing a dark coat over a light shirt and dark tie. He is holding a cigarette in his mouth and a stack of books in his left hand. The background is a misty, dark landscape with a church spire visible in the distance. The title 'НИКТО НЕ ПОМНИТ' is written in large, white, serif capital letters at the bottom.

Айлин Рейвенкрофт

Никто не помнит

<https://litres.ru/74614283>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роквуд, 1923 год. В городе, где дождь не прекращается годами, находят расчленённые тела. Детектив Артур Блэквуд берётся за расследование, не подозревая, что двадцать четыре года назад в Роквуде уже происходила точно такая же серия убийств. Семь жертв. Семь частей. Семь символов. Убийцу тогда не нашли.

Теперь всё повторяется.

След ведёт в катакомбы под городом. Там, на алтаре, Блэквуд находит надпись: «ТЫ — СЕДЬМОЙ». Он ещё не знает, что это правда. Он ещё не знает, что убийца — не человек. Он ещё не знает, что убийца — город. И что сам он — не детектив. А дверь.

Никто не помнит, что было раньше. Никто не помнит, что будет потом. Но город — помнит. И город — голоден.

Айлин Рейвенкрофт

Никто не помнит

Айлин Рейвенкрофт

НИКТО НЕ ПОМНИТ

«Под городом спит то, что не имеет имени.

Оно не помнит, кем было.

Оно не помнит, кем будет.

Оно помнит только голод.

И оно ждет, когда кто-нибудь и вспомнит за него.»

— Из Codex Tenebrarum», 1693 год.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	4
Глава первая. Дождь и кости.....	12
Глава вторая. Вторая.....	29
Глава третья. Тот, кто ищет.....	46
Глава четвёртая. За дверью.....	63
Глава пятая. Шёпот в пустоте.....	83
Глава шестая. Спираль.....	100

Глава седьмая. Город, который дышит.....	118
Глава восьмая. Новый сосуд.....	136
Эпилог. Год спустя.....	154

ПРОЛОГ

Роквуд, 1899 год.

Дождь шёл третьи сутки подряд.

Он не лил — он «стоял» в воздухе, как мокрая шерсть, налипая на плечи, пропитывая одежду, заползая под воротники. Роквуд тонул в тумане, и казалось, что город — это не город вовсе, а утопленник, который всплыл на поверхность лишь для того, чтобы сделать последний вдох.

Констебль Эдвин Хоук стоял на пороге дома священника и не мог заставить себя войти.

Он видел многое за двадцать лет службы. Видел утопленников, выловленных из реки с раздутыми животами. Видел самоубийц, болтающихся в петлях, с почерневшими лицами. Видел женщин, зарезанных мужьями в пьяных драках, и детей, задавленных телегами.

Но то, что он видел сейчас, через приоткрытую дверь, не укладывалось ни в какие рамки человеческого понимания.

— Хоук. — Голос инспектора Мэйсона был хриплым, как скрип несмазанных петель. — Заходи. Не стой там.

Хоук перекрестился — машинально, хотя уже десять лет

не верил ни в Бога, ни в чёрта. Потом шагнул внутрь.

Запах ударил в нос сразу — густой, сладковатый, тошнотворный. Запах свежей крови, смешанный с запахом ладана и воска. Свечи в церкви всё ещё горели, хотя служба закончилась несколько часов назад. Их пламя дрожало, отбрасывая на стены длинные, кривые тени.

Преподобный Сэмюэль Кроу лежал в центре нефа.

Точнее, то, что от него осталось.

Хоук остановился. Его желудок сжался, но он усилием воли подавил рвотный рефлекс. Профессия обязывала.

Тело священника было разделано.

Не просто убито — разделано с чудовищной, почти хирургической точностью. Семь частей. Хоук машинально сосчитал их, потому что его мозг отчаянно цеплялся за цифры, за логику, за что-то, что могло бы объяснить этот кошмар.

Голова. Туловище. Две руки. Две ноги. И... сердце. Отдельно. Вырезанное и положенное в центр груди, как будто убийца вернул его на место, но неправильно — перевёрнутым.

Части тела были разложены на полу в форме креста. Идеально симметричного, педантичного креста, словно убийца использовал линейку.

Кровь уже свернулась, образовав тёмно-бурую корку на каменных плитах. Но её было столько, что она растеклась вокруг, образовав почти ровный круг. Как ореол.

— Кто нашёл? — спросил Хоук, стараясь, чтобы голос не

дрожал.

— Церковный сторож, — ответил Мэйсон, стоявший у стены и нервно теребивший ус. — Пришёл утром. Двери были заперты изнутри. Окна тоже. Он позвал священника — никто не ответил. Тогда он выломал дверь.

— Заперты изнутри, — повторил Хоук.

— Именно. — Мэйсон посмотрел на него. В его глазах было что-то, чего Хоук никогда раньше не видел у этого человека: страх. Настоящий, животный страх. — И ещё одно, Хоук. Сторож говорит... — Он замолчал, сглотнул. — Он говорит, что слышал «шёпот». Когда ломал дверь. Как будто кто-то стоял за ней и... говорил.

— Говорил что?

— Он не разобрал. Но говорит, что голос был не человеческий.

Хоук медленно обошёл тело. Его взгляд скользил по деталям, которые он позже опишет в отчёте, стараясь не думать о том, что это был живой человек. Добрый старик, который крестил его детей. Который каждое воскресенье читал проповеди о милосердии и прощении.

На груди священника, прямо поверх сердца, было что-то вырезано. Не ножом — ногтем. Грубо, криво, но разборчиво. «ОН ПРОСНЁТСЯ»

Хоук наклонился ближе. Буквы были написаны кровью. Но не кровью священника — она была слишком тёмной, почти чёрной.

— Инспектор, — позвал он. — Вы это видели?

Мэйсон подошёл. Посмотрел. Побледнел.

— Видели, — сказал он тихо. — И ещё кое-что. Идём.

Он провёл Хоука в ризницу — маленькую комнату за алтарём, где священник переодевался перед службой. Там, на столе, среди богослужебных книг и облачений, лежала карта.

Карта Роквуда.

На ней было отмечено семь точек. Кровью. Семь крестиков, раскиданных по городу.

Шесть из них были перечёркнуты.

Седьмая — нет.

— Это не первое убийство, — сказал Мэйсон. — И не последнее. Он только начал.

Хоук смотрел на карту, и в его голове билась одна мысль: кто? Кто мог сделать это? И почему церковь? Почему священник?

А потом свечи в церкви погасли.

Все сразу.

В темноте Хоук услышал это.

Шёпот.

Тихий, протяжный, как будто кто-то говорил с ним из-под земли. Из-под пола церкви. Из-под фундамента города.

«Первый — для пробуждения. Шесть — для силы. Седьмой — для врат».

Хоук выхватил револьвер. Мэйсон сделал то же самое.

— Кто здесь? — крикнул инспектор.

Ответа не было. Только дождь стучал по крыше. Только ветер выл в трубах. Только шёпот — теперь уже внутри головы Хоука — продолжал говорить:

«Ты слышишь меня, констебль. Ты — следующий. Ты и те, кто придёт после тебя. Вы будете искать. Вы будете находить. Вы будете проигрывать. Снова. И снова. И снова».

Свечи зажглись сами собой.

На стене, там, где секунду назад была пустота, кровью было написано ещё одно слово.

«БЕГИ»

Хоук не помнил, как выбежал из церкви. Не помнил, как оказался под дождём, как упал на колени в грязь, как его вырвало. Помнил только одно: шёпот не прекращался.

Он звучал в его голове даже тогда, когда он вернулся домой. Даже тогда, когда он запер все двери и окна. Даже тогда, когда он сидел в углу с револьвером в руке и молился — впервые за десять лет — Богу, в которого не верил.

А через неделю нашли второе тело.

Через две — третье.

Через месяц — четвёртое.

Убийцу так и не нашли.

Дело закрыли. Официально — «неизвестный, предположительно скончался». Неофициально — город решил, что это было коллективное помешательство. Что священник сошёл с ума, убил себя сам, а остальные смерти — совпадение.

Но Хоук знал правду.

Он знал, потому что шёпот не прекращался.

Он знал, потому что видел карту.

Он знал, потому что седьмая точка так и осталась не перечёркнутой.

И он знал, что однажды — может быть, через год, может быть, через двадцать — это повторится.

Потому что Роквуд не отпускает.

Потому что «он» не отпускает.

Роквуд, 1923 год.

Детектив Артур Блэквуд стоял на пороге той же самой церкви.

Дождь шёл третьи сутки подряд.

Он не верил в проклятия. Не верил в призраков. Не верил в Бога.

Но когда он толкнул дверь и увидел то, что лежало внутри, он понял: это уже было.

И это только начало.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДОЖДЬ И КОСТИ.

Часть I: Утро.

Роквуд, 16 октября 1923 года.

Артур Блэквуд проснулся от того, что в его окно стучали.

Не дождь — дождь в Роквуде шёл всегда, и его стук давно стал для Блэквуда чем-то вроде колыбельной, неизменным фоном существования. Нет, это был кто-то. Человек. Кулак, бьющий по стеклу с настойчивостью, которая граничила с паникой.

Блэквуд открыл глаза. Потолок его спальни был мокрым — очередная протечка, которую он всё собирался починить, но так и не собрался. Капли падали ему на лицо, и он машинально стёр их ладонью.

За окном кричали.

— Детектив! Детектив Блэквуд! Просыпайтесь! Ради всего святого!

Блэквуд посмотрел на часы. Половина шестого утра. За окном ещё не рассвело — октябрь в Новой Англии не баловал светом, а Роквуд, зажатый между рекой и холмами, вообще казался городом, где солнце заглядывает лишь по особому приглашению.

Он поднялся с кровати. Тело ныло — вчера он провёл весь вечер в баре «Якорь и цепь», пытаясь забыть дело о пропавшем мальчике, которое так и не сдвинулось с мёртвой точки. Пропавший мальчик. Три недели поисков. Ни следа. Ни тела. Ни записки. Как будто земля разверзлась и поглотила его.

Блэквуд натянул рубашку — мятую, с пятном от виски на воротнике — и подошёл к окну.

На улице стоял Томас Гривз, помощник coronera. Молодой парень, лет двадцати пяти, с вечно испуганным лицом и

руками, которые тряслись даже когда он просто держал папку с бумагами. Сейчас он выглядел так, будто увидел призрака.

— Что случилось? — Блэквуд открыл окно. В лицо ударил холодный влажный воздух, пропитанный запахом гниющей листвы и речной воды.

— Тело, сэр. — Гривз сглотнул. — В реке. У Старого моста. Рыбаки выловили... — Он замолчал, и его лицо позеленело.

— Рыбаки выловили что? — Блэквуд говорил спокойно, почти безразлично. За годы службы он научился не показывать эмоций, особенно перед подчинёнными.

— Часть тела, сэр. Только часть.

Блэквуд кивнул. Закрыв окно. Натянул пальто – тяжёлое, шерстяное, купленное ещё при жене, и вышел из дома.

По дороге к реке Гривз молчал. Блэквуд тоже молчал. Он смотрел на город, который просыпался медленно, неохотно, словно делал одолжение.

Роквуд был старым городом. Старше, чем большинство поселений в этом штате. Его основали ещё в конце XVII века — группа пуритан, бежавших от религиозных преследований, но принёсших с собой собственные предрассудки. Они построили церковь на холме, ратушу у реки и кладбище — большое, разросшееся кладбище, которое с каждым годом всё ближе подступало к жилым кварталам.

Дома в Роквуде были преимущественно кирпичными — красный кирпич, потемневший от времени и влаги, с крышами, покрытыми мхом. Улицы — узкими, мощёными булыжником, который вечно блестел от дождя. Фонари — газовыми, хотя в некоторых кварталах уже появилось электричество. Но не в квартале Блэквуда. Здесь всё ещё пахло керосином и старой пылью.

Город был разделён рекой Рок — мутной, тёмной артерией, которая разрезала Роквуд на две части: Верхний город, где жили богатые — судьи, врачи, владельцы фабрик, — и Нижний, где ютились рабочие, иммигранты и те, кому не повезло. Мост через реку был один — Старый мост, построенный ещё в 1800-х. Именно там сейчас толпились люди.

Блэквуд подошёл ближе. Толпа — человек двадцать, не больше — расступилась, пропуская его. Он видел лица: бледные, испуганные, любопытные. Рыбаки, рабочие с фабрики, пара женщин с корзинами для продуктов. Все они смотрели на реку.

На берегу, у самой кромки воды, лежало что-то.

Блэквуд подошёл.

Это была рука.

Левая рука, отрезанная чуть выше локтя. Кожа была серо-синей, разбухшей от воды, но не настолько, чтобы нельзя было разглядеть детали. Пальцы — скрюченные, как будто человек пытался схватить что-то в последний момент. Ногти — обломанные, с застрявшей под ними грязью.

Но самое страшное было не в этом.

На ладони, вырезанный ножом, был символ.

Блэквуд наклонился ближе. Он видел такие символы раньше — в книгах по оккультизму, которые читал в молодости, когда ещё верил, что мир можно объяснить. Это была пентаграмма, но перевёрнутая. И внутри неё — глаз. Открытый глаз, вырезанный с пугающей точностью.

— Кто нашёл? — спросил Блэквуд, не оборачиваясь.

— Я, сэр. — Из толпы вышел старик в рыбацкой куртке. Его руки тряслись, и он то и дело крестился. — Закинул сеть у моста. Думал, что-то крупное. А вытащил... вот это.

— Где остальное?

— Не знаю, сэр. Клянусь Богом, не знаю. Я сразу позвал констебля. Он сказал, чтобы я никому не говорил, но... — Старик обвёл взглядом толпу. — Уже все знают.

Блэквуд выпрямился. Посмотрел на реку. Вода была тёмной, почти чёрной, и в ней отражалось серое небо. Где-то дальше, за мостом, виднелись очертания Верхнего города — особняки, церковь, ратуша с часами, которые всегда отставали на семь минут.

— Гривз, — позвал он.

— Да, сэр?

— Вызови коронера. И скажи, чтобы привезли собак. Будем искать остальные части.

— Вы думаете, их... несколько?

Блэквуд посмотрел на руку. На пентаграмму. На глаз.

— Я думаю, — сказал он тихо, — что это только начало.

Часть II: Люди и тени.

Участок полиции Роквуда располагался в старом здании ратуши — том самом, с часами, которые всегда отставали. Блэквуд поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж, где ему принадлежал кабинет — маленькая комната с одним окном, столом, заваленным бумагами, и шкафом, в котором хранились дела за последние тридцать лет.

Он закрыл дверь. Сел за стол. Закурил.

Рука лежала в морге — Гривз уже отвёз её туда, — но Блэквуд не мог перестать думать о ней. О символах. О глазе. Он знал, что это значит.

Он знал, потому что читал об этом. Давно, лет двадцать назад, когда ещё учился в университете. В библиотеке, в отделе редких книг, среди пыльных фолиантов, которые никто не открывал десятилетиями. Там была книга — «Codex Tenebrarum», «Книга Тьмы». Написанная на латыни, с гравюрами, которые Блэквуд до сих пор помнил: расчленённые тела, разложенные в форме символов. Ритуалы. Жертвоприношения.

Он тогда решил, что это чушь. Средневековые суеверия, не имеющие отношения к реальности.

Теперь он не был так уверен.

В дверь постучали.

— Входите.

Вошёл инспектор Джордж Мэйсон — тот самый Мэйсон, который двадцать четыре года назад нашёл тело священника в церкви. Сейчас он был стариком — седым, сгорбленным, с лицом, изрезанным морщинами. Он вышел на пенсию пять лет назад, но продолжал приходить в участок, как будто не мог найти себе места в мире, где нет преступлений и трупов.

— Слышал, — сказал Мэйсон, сядясь напротив. — Рука в реке.

— Да.

— С пентаграммой.

Блэквуд кивнул.

Мэйсон молчал. Смотрел в окно. Дождь стучал по стеклу, и в его отражении Блэквуд видел лицо старика — усталое, старое, испуганное.

— Это уже было, — сказал наконец Мэйсон.

— Я знаю.

— Ты знаешь, но не понимаешь. — Мэйсон повернулся к нему. — В девяносто девятом я видел то, что не должен был видеть. Священник. Разрезанный на семь частей. Кровь. Шёпот. — Он замолчал, сглотнул. — Я никогда никому не рассказывал. Даже в отчёте написал, что это было ограбление. Но это было не ограбление, Артур. Это был ритуал.

— Кто его проводил?

— Не знаю. Мы так и не нашли убийцу. Дело закрыли. Но я... — Мэйсон достал из кармана платок, вытер лоб. — Я

слышал шёпот. Каждую ночь. Годами. Он говорил со мной. Говорил, что вернётся. Что «он» вернётся.

— Кто — «он»?

Мэйсон посмотрел на него. В его глазах был страх — тот самый, животный страх, который Блэквуд видел у людей, стоящих на краю пропасти.

— Я не знаю, — прошептал старик. — Но я знаю одно: то, что началось, не закончится, пока не будет семи. Семь жертв. Семь частей. Семь врат.

Он встал. Пошёл к двери. На пороге обернулся.

— Будь осторожен, Артур. Он чувствует, когда его ищут. И он не любит, когда его находят.

Дверь закрылась.

Блэквуд остался один. Сигарета догорела, и он закурил новую.

Часть III: Семь.

К полудню Блэквуд собрал всех, кто хоть что-то знал о деле.

В маленькой комнате для совещаний — с картой города на стене, с доской, на которой были приколоты фотографии и заметки, — собрались пятеро:

Томас Гривз, помощник коронера. Молодой, нервный, но исполнительный.

Сара Уинслоу, врач городской больницы. Женщина трид-

цати восьми лет, с резкими чертами лица и холодными серыми глазами. Она была единственной женщиной-врачом в Роквуде, и это делало её одновременно уважаемой и ненавидимой.

Гарольд Пинч, начальник полиции. Толстый, лысый, с вечной одышкой. Он не любил Блэквуда, но терпел его, потому что больше некому было вести сложные дела.

Эдвард Кроу, местный журналист. Худой, с длинными пальцами и вечной ухмылкой. Он знал всё о всех, и это делало его опасным.

И Мэйсон, который сидел в углу и молчал.

— Итак, — начал Блэквуд, — у нас есть рука. Женская, судя по размеру. Отрезана чисто, почти хирургически. На ладони — символ. Перевернутая пентаграмма с глазом.

— Что это значит? — спросил Пинч.

— Это значит, — ответила Сара Уинслоу, — что убийца знает, что делает. Такие разрезы не делаются в панике. Это работа профессионала. Или человека, который долго тренировался.

— Или человека, который уже делал это раньше, — добавил Блэквуд.

Повисла тишина.

— Ты думаешь о девяносто девятом, — сказал Мэйсон.

— Я думаю о том, что двадцать четыре года назад в этом городе уже находили расчленённые тела. Семь жертв. Семь частей. И убийцу так и не нашли.

— Это совпадение, — фыркнул Пинч. — Мало ли психов на свете.

— Совпадение? — Блэквуд достал из папки старую фотографию — пожелтевшую, с трещинами по краям. На ней был запечатлён труп священника, разложенный в форме креста. — Посмотрите на это. Семь частей. Символ на груди. Шёпот, который слышал сторож. А теперь посмотрите на это. — Он положил рядом фотографию руки. — Та же точность. Тот же символ. Это не совпадение. Это продолжение.

— Но убийца из девяносто девятого мёртв, — сказал Гривз. — Разве нет?

— Мы не нашли его. Мы решили, что он мёртв, потому что так было проще. Но что, если он жив? Что, если он ждал?

— Чего? — спросила Сара.

Блэквуд посмотрел на карту города.

— Следующей жертвы.

Он вернулся в кабинет и достал из шкафа старую папку. Дело 1899 года. Толстая, потрёпанная, с пятнами от кофе и крови.

Он открыл её.

Первая страница:

Отчёт о находке тела преподобного Сэмюэля Кроу. Фотографии. Схемы. Показания свидетелей.

Вторая страница:

Второе тело. Учительница Элизабет Харт. Найдена в школе, расчленена, органы разложены в форме анатомической

схемы.

Третья:

Мэр города, Джонатан Роуз. Голова в фонтане, тело в могиле предка.

Четвёртая:

Молодая пара, Томас и Мэри Грей. Найдены в лесу, тела сшиты вместе.

Пятая:

Врач, Генри Уорд. Расчленён своими же инструментами.

Шестая:

Ребёнок, Эмили Доу. Кости вставлены в чучело оленя.

Седьмая:

Полицейский, Джеймс Хоук. Напарник Мэйсона. Внутренние органы в ящике стола.

Блэквуд листал страницы, и его руки дрожали. Он видел эти фотографии раньше — когда-то, давно, в университете, — но тогда они казались ему чем-то далёким. Историей. Мифом.

Теперь они были реальностью.

На последней странице дела была записка — написанная от руки, кривым почерком:

«Он проснётся. Шесть — для силы. Седьмой — для врат. Вы не остановите его. Никто не остановит. Роквуд — его. И вы — его».

Блэквуд закрыл папку. Закурил. За окном шёл дождь.

Часть IV: Глаз.

Вечером он поехал в морг.

Морг Роквуда находился в подвале городской больницы — тёмное, сырое помещение с кафельными стенами и единственной лампочкой, которая мигала, как будто тоже умирала. Сара Уинслоу ждала его там.

— Я закончила осмотр, — сказала она, не поднимая глаз от бумаг. — Рука принадлежит женщине. Возраст — около тридцати. Отрезана посмертно. Кровь вытекла не полностью, что странно. Как будто... — Она замолчала.

— Как будто что?

— Как будто её слили. Собрали в какую-то ёмкость. А потом отрезали руку.

Блэквуд подошёл к столу. Рука лежала на металлической поверхности, накрытая простынёй. Он откинул ткань.

Пентаграмма. Глаз.

— Что это за символ? — спросила Сара.

— В «Codex Tenebrarum» это называется «Око Пробуждения». — Блэквуд говорил тихо, почти шёпотом. — Согласно легенде, существует существо, которое спит под землёй. Оно не может проснуться само. Ему нужны жертвы. Семь жертв. Семь частей. Каждая часть — это ключ. Когда все семь будут собраны, существо проснётся.

— И что тогда?

— Тогда... — Блэквуд посмотрел на неё. — Тогда город

умрёт. Все, кто в нём живёт, станут частью его. Навсегда.

Сара молчала. Смотрела на руку. Потом сказала:

— Это безумие.

— Да.

— Но ты в это веришь.

Блэквуд не ответил. Он накрыл руку простынёй и вышел из морга.

Ночью он не спал.

Сидел у окна, смотрел на дождь, курил одну сигарету за другой. В голове крутились мысли: семь жертв. Семь частей. Семь врат. Кто будет следующей? Где он найдёт остальные части? И главное — кто убийца?

Ответа не было.

Была только тьма за окном. И дождь. И где-то в глубинах города — он чувствовал это «что-то» шевелилось. Что-то древнее. Что-то голодное.

Блэквуд закрыл глаза.

И слышал шёпот.

Тихий, протяжный, как будто кто-то говорил с ним из-под земли.

«Ты ищешь меня, детектив. Но ты не готов. Ты никогда не будешь готов. Семь — это только начало. Семь — это только дверь. А за дверью — я».

Блэквуд открыл глаза.

В комнате никого не было.

Но на стекле, изнутри, кто-то написал пальцем, кровью

или грязью, он не понял, одно слово:

«БЕГИ»

Он не убежал.

Он закурил ещё одну сигарету и стал ждать утра.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ВТОРАЯ.

Часть I: Утро после дождя.

Роквуд, 17 октября 1923 года.

Утро не принесло облегчения.

Блэквуд проснулся в кресле — там, где сидел всю ночь, — с затекшей шеей и сигаретой, прилипшей к нижней губе. Пепельница на подоконнике была полна окурков. На стекле всё ещё виднелось слово, написанное чьей-то рукой изнутри: «БЕГИ».

Он смотрел на него минуту, потом стёр ладонью. Ладонь стала чёрной. Сажа. Не кровь. Просто сажа — как будто кто-то держал свечу слишком близко к стеклу.

Но он знал, что не зажигал свечей.

Блэквуд умылся холодной водой из таза, побрился — руки не дрожали, и это его удивило, надел свежую рубашку и спустился вниз. Его дом стоял на Ветреной улице, в Нижнем городе, в квартале, который когда-то был уважаемым, а теперь превратился в скопление обветшалых особняков и доходных домов. Соседи его не любили — счита-

ли странным, замкнутым, «тем самым детективом, который пьёт». Он отвечал им взаимностью.

На кухне его ждала записка. Подсунутая под дверь ночью.

Бумага была серой, грубой, как обёрточная. Почерк — кривой, дрожащий, как у старика или человека, который писал в темноте:

«Детектив Блэквуд. Я знаю, кто это делает. Приходите сегодня в полдень на кладбище Святого Михаила. К часовне. Приходите один. Если приведёте кого-то — я исчезну. И вы никогда не узнаете правду.

Тот, кто видел».

Блэквуд перечитал записку трижды.

«Тот, кто видел». Кто-то видел убийцу. Или видел что-то, что считает правдой. Может быть, сумасшедший. Может быть, свидетель. Может быть — ловушка.

Он сунул записку в карман пальто. Взял револьвер — «Смит и Вессон», тридцать восьмой калибр, проверил патроны, засунул в кобуру под пиджаком.

Потом посмотрел на часы. Было восемь утра.

До полудня оставалось четыре часа.

Часть II: Кладбище Святого Михаила.

Кладбище Святого Михаила было старейшим в Роквуде. Оно раскинулось на восточном холме — двадцать акров земли, усеянной могильными плитами, склепами и покосивши-

мися крестами. Здесь хоронили с 1690-х годов, и за два с лишним века кладбище разрослось настолько, что поглотило старую часовню — маленькое каменное здание с обвалившейся крышей и дверью, которая давно перестала закрываться.

Блэквуд подошёл к часовне в четверть двенадцатого. Он пришёл раньше — так было нужно. Он хотел осмотреться, понять, не ждёт ли его засада.

Дождь прекратился, но воздух оставался влажным и тяжёлым. Туман стелился по земле, цепляясь за надгробия, как будто мёртвые пытались вырваться из могил и не могли. Вороны сидели на крестах и молчали — их молчание было хуже карканья.

Блэквуд обошёл часовню. Внутри никого не было. Только старые скамьи, покрытые плесенью, алтарь, заросший мхом, и на полу — свежие следы. Чьи-то сапоги. Размер — большой, мужской. Следы вели внутрь, но не выходили наружу.

Блэквуд нахмурился. Если человек вошёл, но не вышел, где он?

Он осмотрел пол. Под одной из скамей была дверь. Деревянная, низкая, почти незаметная — её скрывали тени и мох. Блэквуд потянул за кольцо. Дверь открылась со скрипом, обнажив тёмный провал — лестницу, ведущую вниз.

Он достал фонарь. Зажёг. Спустился.

Под часовней был склеп. Длинный каменный коридор, уходящий в темноту. Стены были покрыты нишами, в кото-

рых стояли гробы — старые, деревянные, многие сгнили. Запах был ужасный: сырость, плесень, разложение.

Но Блэквуд заметил не это.

Он заметил свечу. Горящую свечу, стоящую на полу в двадцати футах от лестницы. И рядом — стул. Пустой стул.

На стуле лежал конверт.

Блэквуд подошёл. Взял конверт. Открыл.

Внутри был лист бумаги — такой же серой, как записка. И на нём — всего одно предложение:

«Вы опоздали. Он уже нашёл вторую».

Блэквуд почувствовал, как холодный пот стекает по спине.

Он выбежал из склепа, из часовни, из кладбища. Он бежал к телефону — в участок, к Пинчу, к кому угодно.

Телефон был только в ратуше. И в баре «Якорь и цепь».

Он выбрал ратушу.

Часть III: Вторая.

Тело нашли в полдень.

На этот раз — в библиотеке. Городская библиотека Роквуда располагалась в старом здании на Верхней улице — трёхэтажном особняке, построенном ещё в 1820-х, с колоннами, высокими окнами и запахом старой бумаги, который не выветривался даже зимой.

Жертвой была Маргарет Грей, библиотекарь. Женщина

сорока двух лет, тихая, незаметная, которая проработала в библиотеке двадцать лет и знала каждую книгу на полке.

Её нашли в читальном зале.

Блэквуд приехал первым — он был ближе всех, потому что бежал из кладбища. Он вошёл в библиотеку и сразу понял — что-то не так. Тишина. Не просто тишина библиотеки — тишина «мёртвая». Ни шороха страниц, ни скрипа половиц. Только запах.

Запах крови.

Читальный зал был большим — двадцать футов в длину, пятнадцать в ширину, с высокими потолками и стеллажами вдоль стен. В центре стоял длинный дубовый стол, за которым обычно сидели посетители.

Сейчас на столе лежала Маргарет Грей.

Точнее — её части.

Блэквуд остановился в дверях. Его желудок сжался, но он не отвернулся. Он смотрел.

Тело было разделано на семь частей. Как и священник двадцать четыре года назад. Как и рука, найденная в реке.

Голова. Туловище. Две руки. Две ноги. И сердце.

Части были разложены на столе в форме круга. Голова — в центре. Руки и ноги — по сторонам, как лучи. Сердце — на голове, как корона.

Кровь пропитала дубовую столешницу и стекала на пол, образовав тёмную лужу. В луже были следы. Босые ноги. Кто-то ходил по крови и оставил отпечатки.

Но самое страшное было не это.

На груди Маргарет Грей, вырезанный ножом, был символ. Не пентаграмма. Другой. Глаз — но не открытый, а закрытый. С ресницами. Как будто существо, которое ищет убийца, ещё спит.

Блэквуд достал блокнот. Записал: «Вторая жертва. Маргарет Грей. Семь частей. Круг. Закрытый глаз».

Потом он увидел книгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.